

Хуай-ван, как бы ни хотелось ему предаться подобным мыслям среди бела дня, подавил внутренний порыв и тихо спросил:

— Супруга, я прочел немало медицинских трактатов за эти дни, но так и не понял: почему другие лекари не могли справиться с моим недугом, а стоило тебе приложить руку, как хворь отступила?

Цзо Хунцю сидел рядом с ним. Мужчина, чьи черты лица, казалось, источали мягкий свет, подобно истинному благородному мужу, теперь, когда к нему вернулись жизненные силы, выглядел всё более величественным и одухотворенным. Болезнь, терзавшая его столько лет, сильно сдерживала его потенциал — иначе, обладая он таким здоровьем раньше, разве не получил бы он титул князя гораздо раньше?

— Астма моего господина, по сути, есть не что иное, как болезнь восходящей ци легких. А раз ци легких не опускается, значит, в конечном счете, нарушено движение ци желудка. Легкие лишены пути для нисхождения, энергия скапливается, блокируется, и оттого возникает недуг. В детстве, испугавшись нападения дикого зверя, вы испытали сильный стресс, и пища застоялась в желудке, пищеварение нарушилось. Стоило случиться чему-то необычному — и дух ваш был встревожен: дерево желчного пузыря взметнулось вверх, порождая испуг, а вода почек опустилась, вызывая страх. Поэтому корень вашей астмы кроется в нарушении проходимости желудка. Те так называемые лекари видели лишь внешнее, но не понимали сути, не нащупали основы проблемы, вот вы и страдали столько лет напрасно, не находя исцеления.

Услышав столь ясное объяснение, Хуай-ван будто прозрел:

— Супруга воистину обладает божественным даром. Встретить тебя — величайшая удача для меня.

Цзо Хунцю взял Хуай-вана за его тонкую, узловатую ладонь и улыбнулся:

— Что за слова, господин мой? Муж и жена — словно птицы, живущие в одном лесу, поддерживать друг друга — наш долг. Подобные речи вам стоит оставить.

В этот момент в небе проплыли плотные облака, заслонив солнце, согревающее резиденцию. Опасаясь, что из-за внезапного холода болезнь Хуай-вана может обостриться, Цзо Хунцю помог ему вернуться в покои.

В комнате горел уголь, и стоило им войти, как вокруг разлилось тепло, прогоняя остатки озноба. Цзо Хунцю усадил его на кровать и, обернувшись к ярко пылающему очагу, внезапно почувствовал, как внутри у него самого разгорается пламя, которое заставило его лицо слегка порозоветь, а внизу живота возникло волнующее томление.

— Господин мой, быть может, ляжете на кровать? Я сделаю вам массаж, это весьма благотворно скажется на вашем восстановлении.

Хуай-ван взглянул на свою супругу, чье лицо слегка покраснелось и обрело манящий оттенок,

и не заподозрил ничего дурного. Он послушно снял верхнюю одежду, обувь и носки, растянувшись на кровати. Уголь горел жарко, поэтому холода он не чувствовал.

— Ваше тело с каждым днем крепнет, я так рада этому, — приговаривала Цзо Хунцю, пока ее тонкие пальцы уже опустились на слегка худощавую спину Хуай-вана. — А теперь я применю восемнадцать техник массажа, чтобы привести в движение все ваши меридианы.

Как только ее пальцы с нажимом опустились на точки в области плеч, Хуай-ван глухо застонал, но тут же крепко зажмурился и нахмурился, стараясь сдержать боль. Цзо Хунцю знала, что после долгой болезни нельзя прибегать к грубым методам, поэтому, разомкнув точки, она сделала движения пальцев легкими и порхающими, словно взмахи крыльев бабочки.

Хуай-ван, подперев подбородок руками, сперва чувствовал лишь ноющую боль, но время шло, и спина становилась всё чувствительнее. Каждое прикосновение пальцев или ладоней княгини вызывало дрожь, пронзавшую нервы и уходящую глубоко внутрь. Ладони супруги, словно охваченные пламенем, скользили по коже, и волны наслаждения бились о его стиснутые зубы. Небывалое прежде ощущение заставило его до побелевших костяшек вцепиться в простыни, чтобы подавить готовый вырваться стон.

Однако он не ожидал, что массаж, длившийся почти палочку благовоний, не станет мягче, а наоборот — усилится. Все тело Хуай-вана отозвалось на движения супруги, став раскаленным, а низ живота наполнился невыносимым жаром. Впервые за столько лет он испытал подобное странное чувство — словно лишь полное освобождение могло принести ему покой.

Горячий шепот зашекотал ухо:

— Господин мой, вы хотите пить?

В комнате было тепло, тело пылало, и он действительно мучился от жажды. Услышав чарующий голос супруги, он, не открывая глаз, машинально кивнул:

— Хочу.

Едва он договорил, как что-то холодное, подобное тонкой змейке, скользнуло ему в рот, заиграло между зубами. Сладкая жидкость, точно нектар, разлилась внутри, и он начал жадно ее поглощать, но влаги катастрофически не хватало. Его язык невольно переплелся с этой прохладной змейкой, и сладостное покалывание мгновенно унесло его в мир блаженства. В этот миг весь мир перестал существовать, остались лишь ощущения, остальное превратилось в иллюзию.

Он не мог думать — да и не хотел. Казалось, эта змейка знает все его тайные желания: она обвивалась, ласкала и покрывала его, гибкая, словно собираясь растворить его собственный язык.

Но в тот самый момент, когда Хуай-ван упивался этим сладким источником, змейка внезапно

исчезла. Он разочарованно открыл глаза и увидел перед собой Цзо Хунцю с покрасневшим лицом; дыхание ее было сбивчивым, а на губах еще блестела влага. Глаза ее, полные влажного блеска, напоминали отражение молодой луны в воде.

Их взгляды встретились. Даже будь Хуай-ван глупцом, он бы понял, что только что произошло. Ощущение, испытанное впервые в жизни, манило его, и он неуклюже подался вперед, пытаясь ответить, но не успел он ничего предпринять, как холодная змейка вновь проскользнула в его рот.

Солнце за окном сияло вовсю, а в комнате царил тепло. Треск углей стал для них приятным аккомпанементом, а их сплетенные тени на стене напоминали выцветшие древние фрески.

На сей раз змейка сбросила прохладное одеяние, став обжигающе горячей. В одно мгновение она охватила другую, неумелую, окутала ее, сжимая, скручивая, извлекая сладкий нектар, который смешался с прежним источником, слившись воедино, неразрывно и крепко.

Это небывалое, одурманивающее чувство лишило Хуай-вана способности рассуждать, оставив лишь механический отклик тела, которое казалось скованным и неуправляемым. Его талию охватили сильные руки, и прежде он лишь полулежал, опираясь на постель, но теперь его полностью поглотило пламя, а спина тяжело опустилась на мягкое ложе.

Сила ее была поразительной... Едва эта мысль мелькнула в голове, как он уже не мог ни о чем думать. Одежды становилось всё меньше, но вместо прохлады он ощущал лишь нестерпимый жар, а в одном месте его тело стало твердым, словно алмаз.

Он попытался сопротивляться, вернуть себе главенство, но годы болезни сделали его тело слабым и дряблым. Теперь на его бледной коже оставались влажные следы, тело невольно выгибалось, дрожа, и из горла вырывались лишь тихие, невнятные звуки.

— Господин мой, господин мой...

Хуай-ван с трудом приоткрыл глаза и увидел, что длинные волосы Цзо Хунцю рассыпались по плечам, придавая ей невероятно соблазнительный вид. Только теперь он заметил, что между его ног осталось лишь одно одеяло.

— Супруга, ты...

— Господин мой, я так сильно вас люблю, — прошептала Цзо Хунцю, слегка надавив ладонями ему на плечи.

Хуай-ван не успел среагировать, как его худощавое тело перевернули лицом вниз на постель.

— Господин мой, вам непременно понравится это чувство.

Цзо Хунцю прижалась к его покрасневшей мочке уха и едва заметно выдохнула. Аромат ее тела кружил голову. Хуай-ван чувствовал, что что-то не так, но не успел осознать, что именно, пока гибкое, словно не имеющее костей тело супруги не прижалось к его спине. Он нахмурился и попытался приподняться.

— Не шевелись, будет больно...

Хуай-ван внезапно почувствовал, как жар приближается к самому чувствительному месту. Сознание настойчиво твердило ему отстраниться, но тело, охваченное этим возбуждением, оказалось неподвластно разуму.

В этот критический момент снаружи послышался бодрый смех:

— Девятый брат! Девятый брат! Погода такая чудесная, почему ты всё время сидишь в четырех стенах?

— Ваше Высочество Хуай-ван, Ваше Высочество, наш господин отдыхает, не будете ли вы так любезны подождать? — раздался тревожный голос Линь Цина.

— Что такое? Уже полдень, а он всё отдыхает? Нет, я должен его разбудить...

Поняв, что остановить Хуай-вана невозможно, Линь Цин громко крикнул:

— Господин, к вам пожаловал Хуай-ван!

Хуай-ван странно посмотрел на него:

— Разве ты не говорил, что он отдыхает? Чего так кричать?

С тех пор как Хуай-ван излечился от болезни, он впервые посетил Резиденцию Девятого князя. Поскольку они были в близких отношениях, привратники не стали докладывать, и он, как обычно, смело ворвался внутрь.

Увидев несколько странное поведение Линь Цина, Хуай-ван замялся у дверей спальни и только собрался постучать, как дверь сама отворилась.

— Не знала о прибытии Вашего Высочества, прошу прощения, что не встретила достойно.

Перед ним предстала женщина с распущенными волосами, в простой одежде, с розовыми щеками и неописуемым изяществом. Хуай-ван на мгновение ошеломлен, но тут же понял, что помешал Девятому князю.

— Ой, невестка, не знал, что вы внутри, прошу прощения, я был крайне нетактичен... Может...

вы продолжите?

Цзо Хунцю прикрыла рот рукой, улыбаясь:

— Что вы такое говорите, Ваше Высочество? Я делала господину массаж спины, поэтому в комнате и натоплено так сильно. Но скажите, неужели вы и правда Хуай-ван?

В его памяти Хуай-ван остался умирающим юношей с раздутым животом, а сейчас перед ним стоял полный сил, статный парень с густыми бровями и ясным взором, одетый в синее одеяние воина, что лишь подчеркивало его молодецкую статью.

Хуай-ван рассмеялся:

— Невестка, вы меня упрекаете? И верно, мне давно следовало прийти к Девятому брату и вам, чтобы выразить благодарность, но в армии было много дел. Сегодня наконец выдалась свободная минутка, прошу Девятого брата и вас простить меня за опоздание.

— О чем ты, младший брат, проходи скорее, — послышался легкий голос Девятого князя изнутри.

Когда Хуай-ван вошел, Девятый князь уже был в белой нижней рубахе и сидел, опираясь на кровать.

— Девятый брат, цвет твоего лица стал гораздо лучше, — Хуай-ван внимательно взгляделся в него, и Цзо Хунцю почувствовала, что его радость была искренней.

— Благодаря твоей невестке болезнь постепенно отступает.

— Еще бы! Невестка — это же Хуа То, переродившийся в наши дни, Бянь Цюэ, вернувшийся в мир! Любой сложный недуг для нее пустяк. Я слышал, она даже маленького господина из дома князя вылечила. В день, когда князь уезжал на границу, я провожал его и все думал, почему не видно Девятого брата.

Девятый князь ответил негромко:

— Дядя уже уехал...

Услышав его тон, Хуай-ван удивился:

— Как, ты не знал?

Цзо Хунцю пояснила:

— Дядя, должно быть, побоялся, что на улице слишком ветрено, а господин мой, узнав об этом,

неприменно захотел бы проводить его и мог бы простудиться. Поэтому и не сообщил.

Хуай-ван нахмурился:

— Сказать-то можно, но хоть кого-нибудь послали бы предупредить. Знаете, по-моему, ваш дядя и тетя ведут себя некрасиво — стоило благородной наложнице впасть в немилость у императора, как они тут же перестали обращать на вас внимание.

— Довольно, младший брат!

— Хорошо, хорошо, молчу, не буду больше говорить.

Хуай-ван посмотрел на улицу, где весенний ветер ласкал цветущий сад, и с улыбкой предложил:

— Девятый брат, полагаю, ты уже немало времени провел взаперти. Раз уж тебе стало лучше, почему бы нам не выехать на прогулку, полюбоваться весенними цветами? Как ты на это смотришь?

Девятый князь взглянул на Цзо Хунцю. Та чуть заметно кивнула, и он ответил:

— Что ж, раз младший брат приглашает, давай прогуляемся, развеемся.

Стражники резиденции, услышав, что князь собирается на прогулку, тут же приготовили карету, переносную жаровню и приказали служанкам собрать съестное — все понимали, что прогулка затянется на весь день. Хуай-ван приехал всего с одним воином, оба были верхом. В итоге, когда они выдвинулись, их сопровождало не больше восьми человек.

Недалеко от столицы находилась гора Тяньлин. Ее пейзажи, меняющиеся в зависимости от времени года, а также величественный храм на склоне всегда привлекали множество посетителей. Весной все горы были покрыты нежно-фиолетовой сиренью, чей аромат разносился ветром, а лепестки кружились, словно в сказочном сне. Именно туда и направилась свита Девятого князя.

Девятый князь и Цзо Хунцю сидели в карете. Хотя рядом находилась служанка Цзы Хань, они еще не успели оправиться от недавней близости. Особенно это касалось Цзо Хунцю: в ее взгляде, обращенном к мужу, все еще клубился влажный туман. Девятый князь не мог забыть ее активную, пылкую натуру и ту гибкую, игривую змейку.

Тонкие пальцы Цзо Хунцю коснулись тыльной стороны ладони Девятого князя, и она прошептала:

— Господин мой, снаружи весна, пробуждается энергия ян. Больше бывать на свежем воздухе крайне полезно для вашего здоровья, не стоит упускать такую прекрасную пору.

Сердце Девятого князя дрогнуло, он не удержался и слегка сжал ее руку:

— Пока ты рядом, в любое время года для меня цветет весна.

Цзы Хань, сидевшая рядом, моргнула и опустила голову, покраснев. В том возрасте, когда расцветают девичьи чувства, многое понимаешь без слов. Но странно: всего пару дней назад князь и ее госпожа держались так чопорно, соблюдая все приличия, когда же они успели стать такими близкими?

Цзо Хунцю улыбнулась и отняла руку. Она приоткрыла занавеску, и в карету ворвался теплый ветер с легким ароматом, подтверждая, что весна действительно пришла.

— Девятый брат, невестка, гора Тяньлин уже совсем близко! Мы проделали немалый путь, может, сделаем привал? — раздался голос Хуай-вана.

— Отличная мысль, пусть будет по-твоему, — ответил Девятый князь.

Свита остановилась в тени деревьев. У дороги тянулся низкий кустарник, среди которого пестрели безымянные полевые цветы — нежно-желтые и бледно-зеленые точки радовали глаз. Начало весны прекрасно, где бы ты ни находился — быть может, потому, что после увядания и суровой зимней тишины пробуждение жизни, пение птиц и зелень вызывают такую радость.

Линь Цин и Гао Юань расстелили мягкие подстилки на траве для князя, его супруги и Хуай-вана, остальные же разместились неподалеку, перекусывая в тени деревьев.

Хуай-ван сел, скрестив ноги:

— Девятый брат, кажется, ты никогда не бывал на Тяньлин?

— Верно. Никогда не думал, что даже дорога сюда может быть столь очаровательна, — похвалил Девятый князь.

— На горе есть еще больше чудесных видов, а сколько там надписей, оставленных поэтами и учеными разных эпох!

— Неужели ты тоже пристрастился к поэзии?

— Девятый брат, ну какой из меня поэт, ты же знаешь. Не подшучивай надо мной, я же просто делюсь с тобой.

Цзо Хунцю молча улыбалась в стороне. Мужчинам беседовать, а ей, как княгине, не подобало вмешиваться в их разговор.

Пока они беседовали, издалека послышался быстрый топот лошадиных копыт. Хуай-ван нахмурился:

— Кто это? У подножия священной горы — и такая спешка, разве это не неуважение к Будде?

Земля под ногами мелко дрожала, гул копыт становился всё ближе. Лошади, привязанные к деревьям, начали беспокоиться, словно чего-то страшась.

Вскоре вдалеке показался всадник на породистом гнедом коне. Он летел по дороге, а за ним следовали еще с десятков наездников; пыль поднималась столбом, словно огромная морская волна.

Увидев этого человека, Хуай-ван сжал зубы. Цзо Хунцю удивилась — ведь с момента выздоровления она ни разу не видела, чтобы он терял улыбку. Девятый князь тоже помрачнел. Стало ясно, что они оба хорошо знают этого человека.

Всадник в темно-синем костюме и шапке с черным пером заметил их у дороги. Приблизившись, он резко дернул поводья, и породистый конь высоко вскинул голову, ударив передними копытами о землю. Линь Цин и Гао Юань с трудом удержали своих лошадей, чтобы те не сорвались с привязи.

Если уж конь был столь грозен, то что говорить о седоке? Одной рукой он поглаживал холку коня, в другой сжимал длинный кнут. Лицо его, словно высеченное из камня, имело четкие черты, а под соболиными бровями горели тонкие персиковые глаза. Его взгляд был насмешлив, но в нем проскальзывал блеск, от которого внутри невольно все сжималось.

— Не ожидал встретить здесь двух моих младших братьев. Похоже, здоровье Девятого князя вовсе не так слабо, как об этом шепчутся в столице.

Хуай-ван поднялся и сложил руки в приветствии:

— Приветствую Пятого брата.

Девятый князь ответил холодно:

— Мое тело хворает, так что не стану совершать церемонный поклон.

Пятый брат... Услышав это обращение, Цзо Хунцю поняла: перед ней знаменитый Чу-ван Инь Гуан, занимающий второе место в иерархии князей после Наследного принца.

Чу-ван улыбнулся загадочной улыбкой:

— Раз Девятый брат нездоров, формальности излишни.

Однако выражение его лица внезапно изменилось, и он хлестнул кнутом по воздуху:

— Хуай-ван, сегодня ты должен быть на службе в гарнизоне. Почему ты здесь без разрешения? Знаешь ли ты, какова твоя вина?

На лбу Хуай-вана выступили крупные капли пота. Помедлив, он ответил:

— В лагере все было спокойно, вот я и подумал... выбраться прогуляться.

Чу-ван долго смотрел на нервничающего Хуай-вана, а затем перевел взгляд на Девятого князя и его супругу, словно забыв о присутствии Хуай-вана.

— А это, значит, дочь чиновника Цзо, на которой Девятый брат женился не так давно?

Цзо Хунцю присела в реверансе:

— Я действительно дочь Цзо Минюаня. Приветствую Вас, Ваше Высочество Чу-ван, да будете вы благословенны на тысячи лет!

Чу-ван холодно фыркнул:

— По столице ходят слухи, что ты немного разбираешься в медицине. Правда ли это?

— Я владею лишь поверхностными знаниями, Ваше Высочество.

<http://bllate.org/book/21872/2270690>